

Жорж КУЛЕЦКИЙ

ОБНАЖЕННАЯ
СО СКРИПКОЙ

Жорж Кулецкий

Обнаженная со скрипкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22837978

Жорж Кулецкий. Обнаженная со скрипкой: Человек; Москва; 2015

ISBN 978-5-906131-70-6

Аннотация

Эта романтическая история произошла в наши дни с симпатичными нормальными живыми людьми, которых Судьбе было угодно свести вместе. В их жизни нет криминала, но есть романтика и увлеченность своими делами. Разумеется, нашлось место и для чего-то сверхъестественного – сейчас без «чертовщинки» ничто не обходится. Но главной движущей силой у всех героев является Любовь. И благодаря этому чувству герои делают свои открытия.

Жорж Кулецкий

Обнаженная со скрипкой

Oh, yes, yes, yes

Ой, да! Да, да, да-а-а

(пер. с англ.)

– Один из величайших даров, доставшихся человечеству неизвестно откуда и за какие заслуги – музыка. Она покорила весь мир. В ней есть и мистика, и таинственность, и прозрачность, и простота, и глубина. Она – все.

– Спорное, конечно, утверждение, мастер, но что-то в нем есть...

– Микеле, друг мой, музыка, может привести к святости, а может и к пороку. И грань между ними так тонка. Музыка – это и дар божий, и дьявольское искушение.

(Из разговора двух кременцев о музыке вечером 17 сентября 1827 года)

Любое совпадение имен, фамилий, событий, географических названий, существующих или существовавших, с появляющимися на этих страницах, является чистой случайностью, порожденной воображением автора.

© Жорж Кулецкий, текст, 2015

© Издательство «Человек», Издание, 2015

В свои двадцать восемь лет Антон Карпачев, несмотря на молодость (относительную, конечно), пользовался известностью и авторитетом в достаточно узком кругу столичных краснодеревщиков-реставраторов и владельцев антикварной мебели. Высокий, худощавый, с узким лицом, голубоглазый, он чем-то неуловимо был схож с ликами святых на старых русских иконах. В жизни держался спокойно, уверенно, с достоинством, хотя по тусовочным рейтингам, разумеется, уступал вальяжным олигархам, всяким банкирам и бизнесменам, и даже высокомерно снисходительным к окружающим представителям офисного планктона. Правда, случись вдруг выяснять отношения старинным русским или английским способом, на кулачках, преимущество было бы на его стороне – постоянная физическая работа все-таки способствует поддержанию необходимого мышечного тонуса. По образованию он был инженером, специалистом по деревообработке и, к тому же, еще и практиком с «золотыми руками». Благодаря этому он и пользовался в столице в элитной среде немалой известностью, не только как мастер, но и как человек творческий.

И вот эта «творческая натура» стояла в прихожей квартиры в доме на Сивцевом Вражке, указанном ему в телефонном разговоре накануне.

– Добрый день! Так это вы и есть тот столяр, которого мне рекомендовал Витя Приходченко? – оценивая цепким взглядом Антона, спросил хозяин квартиры пока гость снимал куртку-пуховку и ботинки – все-таки на улице стоял март, ранняя и сырая московская весна. Антон оказался пунктуален – как и условились по телефону на двенадцать, так ровно в полдень он и нажал кнопку звонка.

Открывшая ему дверь пожилая, с морщинистым лицом, немного грузная женщина в клетчатом фартуке – видимо, кухня в квартире располагалась неподалеку от входного холла, быстро ретировалась куда-то вглубь коридора, предоставив главному лицу в доме самому встречать и оказывать внимание пришедшему гостю. Правда, она сразу оценила и его внешность, и одежду. И сразу решила для себя, что этого будут угощать чаем с домашним вареньем, но до обеда он вряд ли задержится.

Как встречали по одежке, так и продолжается эта старинная российская, а может быть и мировая традиция. Вот только провожают сообразно результатам общения, а у русских – порой и количества, если до того дойдет, принятого на грудь.

– В общем, да. Виктор Викторович сказал, что вы хотели со мной встретиться по поводу одной работы. Вы ведь Петр Владимирович? – Антон улыбнулся, разглядев, что у генерала (ВикВик предупредил, с кем предстоит иметь дело) лицо круглое, добродушное, чисто, почти до синевы выбритое.

Пухлые губы Петра Владимировича, что считается хорошим признаком человека доброго и мягкого, тронула улыбка.

– Ну вот, и миленько! Все сходится. Все правильно. Давайте пройдем в мой кабинет, так сказать, посмотрим на изделие, – предложил генерал мягким дружелюбным голосом.

Называющий себя «артиллеристом дальнего боя», на самом деле Петр Владимирович Соколов был конструктором-ракетчиком. Отец его служил в традиционной артиллерии, а потому настоял, чтобы Петр, мечтавший о геофаке МГУ, поступил в военное училище. После этого младший Соколов учился в аспирантуре МВТУ, а в итоге дослужился до генерал-майора и член-корреспондента Академии наук. Будучи в свое время невыездным, он с увлечением собирал масштабные карты, путеводители и фотоальбомы по зарубежным городам. И вот однажды, листая итальянский альбом, купленный в «Иностранной книге» на Кузнецком, остановился на листе с куполом флорентийского собора Санта Мария дель Фьоре – творении гениального Филиппо Брунеллески. Поразили его и слова историка живописи и архитектуры Вазари, которыми тот описывал величественное сооружение:

«...древние не достигали в своих постройках такой высоты и не решались на такой риск, который бы заставил их соперничать с самим небом, как с ним, кажется, действительно соперничает флорентийский купол, ибо он так высок, что горы, окружающие

Флоренцию, кажутся равными ему».

«А ведь мы тоже соперничаем с самим небом!» – подумалось тогда несостоявшемуся географу. И надо ведь, какой случился парадокс! Собор с его куполом до него и воочию, и на снимках видели десятки миллионов людей, но именно Петру Соколову пришла оригинальная идея конструкции «двойной оболочки» головной части межконтинентальной баллистической ракеты. За эту разработку он был удостоен Государственной премии. Потом были и другие награды, но никогда и нигде списки соискателей, а тем более, лауреатов по этой тематике не публиковались. По вполне понятным причинам.

Они прошли по ломаному коридору мимо закрытых дверей в другие комнаты, и подошли к кабинету.

Войдя, Антон сразу увидел старинный платяной шкаф. Его присутствие было неожиданным в помещении, сплошь заставленном до самого потолка современными книжными шкафами и полками. Антон подошел к нему, погладил ладонью переднюю створку, потом провел рукой по боковинам – настоящий орех, и не шпон, а массив.

– Вещь! Можно? – спросил Антон, берясь за ключ, который, скорее всего, был из новоделов, подобранных взамен утерянных оригиналов.

– Теперь он в вашем распоряжении. Если договоримся, конечно! – разрешающе кивнул хозяин седой головой. –

Только осторожно, петли расшатались, я саморезами их прикрутил, но это так, «на соплях».

– Саморезами, говорите?! – пробормотал себе под нос Антон, осторожно потянув на себя створку двери. – Саморезами – это вы напрасно!

– Ну уж как мог! Лара торопилась куда-то, да так рванула дверку, что та чудом не сорвалась!

– Рванула Лара. А дверок пара! – зарифмовал Антона свое возмущение. – А за это вы бы ей по рукам! Вашей этой Ларе...

– Ну, что вы! Как можно по рукам? Ей по рукам никак нельзя, руки ей беречь надо.

– А по мягкому месту? – подсказал Антон, вынимая верхнюю полку из шкафа.

– Ну, лет двадцать назад это и подействовало бы, а теперь уже поздно! – заметил Петр Владимирович.

Тут в комнату вошла женщина, и генерал поспешил представить свою супругу. Валентина Григорьевна знала, что должен прийти мастер, и смотрела на Антона с интересом. И надо признать, ожидания ее не оправдались. Потому как виделся ей столяр неким мужчинкой возрастом за полтинник и больше, с одутловатым, если не сказать, испитым лицом и нездоровыми, прокуренными желтыми зубами. И непременно в прожженном, испачканном клеем, лаками и морилками, холщовом фартуке. А тут – женщина даже зажмурилась на мгновение – столяр смотрелся как молодой преуспева-

ющий бизнесмен. Рубашка с «подворотничком», темно-синие вельветовые, в мелкий рубчик брюки, бархатный, в тон брюкам, пиджак. Мягко пожав протянутую женщиной руку, Антон назвал: «Антон. Мастер-реставратор. Карпачев». И широко улыбнулся, продемонстрировав замечательные белоснежные зубы. Чем привел супругу генерала в искреннее восхищение.

– Здравствуйте, Карпачев Антон! – приветливо сказала генеральша. – Какой же вы... – казалось, она пытается подобрать нужное слово. – Молодой для такой профессии, коллега!

Назвав Антона коллегой, она не погрешила против истины. Валентина Григорьевна Рерберг тоже встречала гостей «по одежке», но провожала... по улыбке. Дело в том, что она была стоматологом. То есть, занималась «реставрацией» зубов. Причем «реставратором» она была потомственным, уже в пятом поколении. И данное обстоятельство много лет назад чуть было не расстроило брак аспиранта «бауманки» Пети Соколова с очаровательной петербурженкой, студенткой первого столичного меда. «Да, Соколова – звучит нормально! – соглашалась Верочка Рерберг. – Но Соколовых – не обижайся, Петенька! как Орловых, Ивановых, даже Рабиновичей – пруд пруди. А вот Рерберг в моей профессии – это как знак качества на твоих «изделиях»!

Так и осталась она при девичьей фамилии. Как дантист

любила чистоту, порядок, мягко «подправляла» в решении домашних вопросов мужа, контролировала ситуацию с дочерью. В последнее время заботило ее отсутствие у той достойной партии, стоящего жениха. И хотя о некоторых «друзьях-приятелях» дочери Валентина Григорьевна знала, относилась она к ним достаточно критически.

– И что же вы с ним намерены делать? – глянув на шкаф с серьезным видом задала она довольно наивный вопрос, когда к тебе приехал мастер-реставратор антикварной мебели.

«Генеральша» была ухоженной женщиной, следившей за своей внешностью, а потому и в любом, в том числе и в темно-зеленом домашнем брючном костюме смотрелась достойно. Недавно она перешла на новую парфюмерную воду – *Histoires de Parfums 1969* – с каким-то чувственным ароматом. Каштановые волосы оттеняли цвет ее глаз, карих, но, скорее, светлых.

– Шкаф замечательный, интересный. Ему где-то в районе ста – ста двадцати лет, но жил он в разных условиях, побывал и в транспортных переделках, да, вероятно, и дети с ним обращались весьма вольно, – поставил Антон диагноз будущему «пациенту». – Сначала, естественно, придет мой компаньон-ассистент, разберет его на составные части и отвезет к нам в мастерскую. Там смою старый лак, поговорим с деревом, оно, скорее всего, немало расскажет – за сто лет многое случалось. Определимся с ремонтом, подберем бру-

сочки для замены, и, как говорится, помолившись, начнем. Полагаю, месяца три у нас с ним будет интересный диалог.

– Так долго? – искренне удивилась Валентина Григорьевна. – И во что нам станет этот ваш трехмесячный диалог с деревянным визави?

– Ну, вот – опять двадцать пять рублей за рыбу деньги! – отшутился Антон. Хотите, я куплю вам новый хороший шкаф, какой вы сами выберете – с ценой не стесняйтесь – а этот заберу себе? – с улыбкой предложил Антон.

– Не хочет! – сразу вступил в разговор Петр Владимирович.

– Вот видите, он же вам дорог не как мебель, а как фамильная ценность! Вот цену вы сами и назовите. Вы же консультировались, наверное?

В таких переговорах Антон руководствовался несколькими золотыми правилами. Во-первых, даже если волнуешься, нельзя подавать вида, во-вторых, никогда не надо экономить деньги заказчика, он сам это сделает лучше. Потому Антон никогда не называл цену первым, и выходило так, что чаще всего он как бы «соглашался» с клиентами. Они, впрочем, были людьми состоятельными, свои вещи ценили весьма высоко, так что и реставрация их должна была быть солидной в денежном эквиваленте.

– От чашки чая не откажетесь? – спросила хозяйка, уводя разговор в сторону, ибо оценила мастера по достоинству.

– Спасибо. Не откажусь.

– Тогда прошу в гостиную. Надя там уже накрыла.

За столом Валентина Григорьевна поинтересовалась, откуда Антон родом – у него, она подметила, не чистый московский выговор.

– Я из Костромы, волжанин, – вот и окаю немного. Когда волнуясь. Места у нас красивые, левитановские, Плес рядом. И там ведь еще леса берендеевские остались, вот я в детстве и увлекся деревом и всем, что с ним связано. – Антон, обычно державшийся скромно и предпочитавший больше слушать, нежели что-то изрекать, вдруг неожиданно для самого себя, разговорился.

– А с чего это началось? – вежливо поинтересовалась кареглазая хозяйка.

– Я как-то прочитал легенду о том, почему греки Афины назвали Афинами.

Хозяева смотрели на него с явным интересом – не простой, оказывается, этот столяр-краснодеревщик.

– И почему же? – уточнил генерал.

– А греки предложили богам – кто наделит их самым ценным даром, по имени того бога они и назовут свой город. Ну, боги начали соревноваться в щедрости. Дошла очередь и до Афины. И она подарила им оливковое дерево – от яркого солнца можно спастись в его тени, из плодов оливы можно делать многое, в том числе и благородное масло, а когда дерево умрет, на прощание оно отдаст людям свое тепло, сго-

рая в очаге. Так вот и вышло, что дерево – самое полезное и ценное растение на Земле. И благодарные греки назвали свою столицу Афинами, а я вот занялся деревообработкой.

Пили чай с домашним вареньем, говорили о погоде, о припозднившейся весне. Сетовали на засилье бестолковых долгоиграющих сериалов, заполнивших телевизионные каналы. Будто невзначай, Валентина Григорьевна справилась о семейном положении Антона. На что тот спокойно и даже как-то мимоходом равнодушно отвечал, что не в его правилах форсировать события. На что супруга генерала одобрительно кивнула головой. Помолчали.

– Спасибо! – стал собираться Антон. – Варенье у вас чудное, особенно вот это, крыжовенное.

– Погодите, куда же вы так скоро? – Петр Владимирович взглядом усадил Антона обратно за стол.

– Я так полагаю, что тысяч семьдесят, рублей, конечно, может стоить реставрация? – обозначил свою цену генерал. – А почему, кстати, вы берете на работу три месяца? Не многовато ли будет?

– Основное время уйдет на отмывку, подгонку дерева по рисунку, на склейку некоторых деталей, на просушку, – привычно начал пояснять Антон. – Семьдесят тысяч – это ведь примерно месячная зарплата хорошего специалиста на вашем «ящике»? А я беру на работу три месяца, к тому же работать буду не один.

«Да, не прост этот волгарь! – подумал про себя Петр Владимирович. – Хотя, что удивляться, новое поколение колесного скрипа не боится. Он себе цену знает. Да и рекомендацию ему дали самую лестную!».

– Вы швейцарскую систему оплаты работы знаете? – вдруг озадачил заказчика неожиданным вопросом Антон и тут же, с хитрой улыбкой пояснил. – Это, когда договаривающиеся стороны устанавливают точный срок сдачи работы. Если задержка на сутки – вычет с исполнителя, а если сдача на сутки раньше – премия от заказчика.

– Так ведь заказчика и разорить можно! Сделаете на две недели раньше и счет предъявите такой, что в две цены выйдет работа! – быстро прикинув возможный вариант, парировал генерал.

– Так в этом случае в Швейцарии можно и под суд попасть – за заведомо нереальные условия и сроки, – отвечал Антон, хорошо изучивший все пункты контракта, который заключил с ним год назад заказчик, командировавший его в альпийскую республику.

– Давай так, – генерал решительно перешел на «ты», – Восемьдесят! – и, увидев скептическую мину на лице Антона, уточнил. – И премия за качество. Пятьдесят процентов. Устроит? Но разборка, сборка, транспорт – твои!

– Хорошо! Мой компаньон-ассистент приедет в понедельник, в полдень. Вам удобно? – согласился Антон. Получив подтверждение, что заказчику так удобно и, в конце концов,

дома всегда будет Надя, домоправительница, а еще и домработница, удовлетворенно кивнул головой.

– Ну, вот и миленько! – спародировал Антон генерала. – Он и бумаги привезет на подпись, я предпочитаю работать «в белую» – не люблю общаться с ребятами из фискальных органов.

Уже в прихожей, завязывая шнурки на ботинках, Антон обратился к генералу:

– Петр Владимирович, вы скажите Ларе, чтобы она не рвала дверки, хорошо?

– Хорошо, мастер! – засмеялся генерал. – Непременно скажу!

Антон удовлетворенно кивнул, распрямился и уже взялся за ручку двери, как вдруг из второй по коридору комнаты послышался долгий протяжный звук. Кто-то настраивал скрипку.

– Лара? – спросил Антон генерала. Тот утвердительно кивнул головой.

– А неплохой звук! – прислушался Антон. – Очень даже хороший звук. Не знаете, чьей работы инструмент?

– Нет, не знаю. Лара называла – какого-то немца, не могу припомнить.

Подстроив верхнюю, самую сложную в настройке ми, невидимая скрипачка провела смычком по квинтам сверху вниз: ми-ля ре-соль.

– Замечательный звук! – констатировал Антон. – Вот раз-

ве что душка чуть-чуть, самую малость, не на месте. Настроить бы надо! Вы передайте Ларе, пусть отнесет скрипку к мастеру.

– А вы и в музыке понимаете? – искренне удивился генерал. – Душка, говорите?

– Ну, в музыке постольку, поскольку! В дереве я понимаю больше. Я его слышу. Даже из-за двери.

За вечерним чаем Валентина Григорьевна вернулась к разговору о реставрации шкафа. Поинтересовалась, откуда взялся этот молодой человек? Генерал рассказал, что рекомендацию Антону дал ему академик Приходченко, которому карпачевская фирма отреставрировала секретер XVIII века.

– Я спросил, у какого антиквара он нашел эту вещь, да еще в таком отличном состоянии, а он только рассмеялся. Тут я и вспомнил о нашем шкафе и решил, что хочу в него повесить парадный мундир, а то он висит у тебя рядом с платьями и пропитывается всякими шанелями-диорами. А это все-таки воинская форма. И взял у Приходченко телефон Антона.

– Ну, знаешь! – возмутилась супруга. – Когда мы в Кремле на приеме были, так там коллеги твои пахли не только «шанелью-диором», как ты выразился, но и Боссом, и Каррерой, и даже Дольче с Габбаной, между прочим. Да ты и сам Живанши пользуешься. Уж керосином, или чем вы там свои «изделия» заправляете, ни от кого не пахло!

– А у него неплохая зубная культура! – профессионально заметила Валентина Григорьевна несколько минут спустя. Пока только так могла она сформулировать свое впечатление от дневного визитера. Но у нее возникло уже какое-то смутное, неопределенное пока еще предчувствие. Нет, ни запаха серы, ни следов копыт на светлых досках лиственничного пола не осталось. Но и запаха ладана, который должен был бы сопутствовать явлению ангела, тоже не ощущалось. Не исключено, что встретится этот парень с их дочерью. Хотя шансов у него почти нет, ну, может быть, совсем немного. Вокруг Лары поклонников более, чем достаточно. Она умничка, всех держит на дистанции, на «поводке». Большинство ее молодых людей, конечно, из мира музыки, богема. Но вот недавно у мужа аспирант появился, кажется, из отряда космонавтов.

Валентина Григорьевна с вполне понятным скепсисом относилась к представителям «неосязаемых», так сказать, профессий. Любимый дедушка Паша, Павел Рерберг, потомственный врач – стоматолог усадил себе на колени четырехлетнюю внучку и спросил, заглядывая в наивные детские глазки: «Ну, и кем будет наша Валечка, когда совсем-совсем вырастет и станет совсем взрослой?». Валечка долго сообщала, что хочет выведать у нее любопытный хитрый дед. «А ты сейчас кто? Кем стал?» – спросила внучка. Старый Рерберг засмеялся. Потом задумался и выдал внучке что-то вроде напутствия: «Валечка, вот без чего ты не можешь

обходиться каждый день? Ну, вот ты проснулась, умылась, почистила зубки и потом что?». Девочка нахмурила бровки и стала перечислять: «Говорю мамочке и папочке «доброе утро». Потом иду на кухню кушать кашку и пить компотик». Дедушка одобрительно кивнул головой и выдал такое заключение: «Вот, и каждое утро ты кушаешь кашку, обедаешь супчиком и котлеткой, на полдник пьешь кефир, потом ужинаешь. И все это ты делаешь своими зубками. И так каждый день. И сколько на земле есть людей, каждый день им надо кушать. А для этого надо иметь крепкие белые зубки. И чтобы они были здоровые, надо их каждый день тщательно чистить. А некоторые люди этого не делают! – Рерберг тяжело вздохнул. – Глупые! И зубки у них заболевают. Тогда они приходят ко мне, и я их лечу».

«Павел Арсеньевич! Это ваших рук дело?!» – потрясла куклой Машей перед Рербергом – старшим на следующий день возмущенная мама Валечки. Тот растерянно хлопал глазами: «Позвольте, Раисочка, я давно вышел из этого возраста!». Невестка крикнула дочь: «Валя! А ну-ка, подойди сюда!». Валечка с самым невинным видом подошла к мамочке: «Ну, что ты сердишься, мама?! У Маши заболели зубки, и я ножничками вырезала ей ротик! Теперь ей не больно и она может кушать котлетку!» – разъяснила девочка непонятливой маме. Та упала на стул и обреченно поставила диагноз: «Свекор – дантист! Муж – дантист! И эта туда

же норовит! Одни мы с тобой, Маша, нормальные люди в этой семейке стоматологов!». При этом невестка машинально гладила куклу по искусственным волосам.

Перед сном Петр Владимирович по установленному порядку минут пять чистил зубы. Чтобы у него не было соблазна управиться быстрее, супруга поставила в ванной песочные часы – пятиминутку. Сначала он пофырчал, а потом привык и нашел, что это даже хорошо – иметь в доме песочные часы, можно сказать, антиквариат. По пути в кабинет, где он спал на диване, чтобы избавить жену от случайного, но резкого и неожиданного всхрапывания, а то и вскрикивания – временами спал он очень беспокойно, – генерал увидел, что в спальне Валентины Григорьевны горит лампа – она листала какую-то книжку. Он приоткрыл дверь и вошел.

– Знаешь, Петя, а что-то породистое в этом мастере есть, проскальзывает, – сказала Валентина, отложив чтение.

– По крайней мере, знает, что делает, соображает в организации дела, и с ценой согласился! – подтвердил генерал.

– Что ты стоишь, как статуя командора? – перебила его супруга. – Приляг рядом, места хватит.

Дважды Петра Владимировича приглашать было не нужно. Он с готовностью забрался под простыню, покрытую легким пледом.

– Конечно, Ларе нужен парень. Конечно, не всем достаются такие мужья, как ты, – пролила она елей на душу мужа. –

Но и в тебе разглядеть будущее только я смогла, и сразу «зубами за ягодицу», чтобы не отскочил в сторону...

При этих словах Валентина нежно провела ладонью по боку лежащего рядом супруга, добралась до резинки просторных сатиновых, синих в горошек трусов и, шаловливо оттянув ее, резко отпустила. Получился звук своеобразного шлепка. Но она взялась за нее снова и теперь потянула вниз.

– Да бог с ними, как получится, так и получится, – пробормотал Петр, запуская левую руку под ночную рубашку супруги.

– Ну, подожди, подожди! Дай, сниму ночнушку...

«Какое у нее упругое тело, и на бедрах ничего лишнего не чувствуется! – с удовольствием отметил Петр. – Надо бы и мне в бассейн записаться!».

– А ты помнишь, как я тебя называла, когда ты еще был капитаном? – спросила, переводя дыхание Валентина, которой было щекотно от благодарного поцелуя, который пришелся в шею неподалеку от плеча.

– Иногда «котиком, хотя и без усов», – вспомнил генерал.

– И вот какой котяра вырос! Целуй еще...

И она снова подставляла ему шею, губы, грудь, а он с удовольствием целовал их пухлыми губами.

– А теперь погладь меня, как тогда! – попросила Валентина.

Как и когда было это самое «тогда», он не помнил, но правая рука его отпустила ее грудь и ладонь скользнула вниз.

Руки помнили больше, чем он думал. Наконец средний палец остановился на бугорке ниже живота и чуть надавил на него.

– Вот так, какие у тебя все-таки нежные пальцы, вояка ты мой... – томно выдохнула супруга. – Еще хочу. Лаской меня еще...

Они оба ощущали себя моложе, им было весело, негромко хихикали, но, наконец, успокоились.

«А Петенька-то еще молодец, такой крепыш, надо бы его чаще «загружать», а то с такой жеребцовой энергией может и налево скакнуть!», – сладко потягиваясь, подумала Валентина, ощущая при этом особую удовлетворенность. К ней вернулась та телесная радость, которая в последнее время начала было забываться.

«Надо бы чаще к ней перед сном заглядывать, а то ведь так и форму потерять можно!», – подумал Петр Владимирович, быстро засыпая на своем, почему-то уже не таком уютном, даже неудобном кабинетном диване.

Поутру Валентина Григорьевна проснулась в хорошем настроении, потянулась довольная и к завтраку вышла улыбаясь. Петр Владимирович тоже чему-то улыбался...

В понедельник утром Валентина Григорьевна наказала Наде, если появится «плотник», от дома его не отваживать. Надя уточнила: «Когда они будут?» Валентина Григорьевна

усмехнулась: «Будут они ровно в двенадцать!» Домоправительница понимающе кивнула: «Так может, его и обедом накормить?» Генеральша уже от входной двери ответила: «Ну, уж это ты сама смотри. Кто у нас в доме по хозяйству распорядитель?»

Звонок в прихожей звякнул колокольчиком ровно в двенадцать. Надя подошла к двери и приложилась к глазку. Она всегда смотрела – внушает ли человек на взгляд доверие? За дверью стоял рослый парень в темной кепке, в темно-синей спортивной куртке с белыми буквами «ССМ» на груди, в джинсах, рядом с собой он поставил на пола какой-то рулон, а в левой руке держал коричневый саквояж, с каким в кинофильмах ходили доктора времен Чехова.

– Вы кто? – через дверь справилась Надя.

– Я по поручению Антона Карпачева! По поводу шкафа.

Ответ был правильным, и женщина отодвинула задвижку в металлической двери.

– Проходите, раздевайтесь, вон тапочки обувайте!

Надя уже давно ощущала себя главным стражем домашней дисциплины и чистоты. У нее всегда был порядок – по одной половине туда, по другой – обратно. И она указала гостю на синие тапочки, какие выдают пассажирам в вагоне бизнес-класса скоростного поезда «Сапсан». Надя пригляделась к рулону, который гость пока поставил чуть в сторонку – пластиковая упаковочная пленка с воздушными пузырьками.

– Пойдемте, покажу вам ваш шкаф, гордость Петра Владимировича.

Они прошли по коленчатому коридору, из-за прикрытой двери в одной из комнат слышался звук скрипки. Наконец, вошли в кабинет.

– Вот! – показала Надя. – Может, газеты постелить? Вас как величать прикажете?

– Зовут меня Давидом. Газеты не повредят, конечно, но я буду детали потом относить в машину.

– Намусорите, сами убирать будете!

Давид улыбнулся, но возражать не стал, раскрыл саквояж и достал электрический гайковерт, деревянный молоток-киянку, несколько отверток.

– А веничек вы все-таки дайте, мало ли что за шкафом, какая там вековая пыль скопилась! – попросил Давид.

Прежде всего, он открыл створки и посмотрел, как прикреплены петли, которые он решил отворачивать со стороны боковины. Подпер левую створку двери саквояжем, чтобы снять нагрузку с шурупов, которые будут держать ее до последнего момента. Латунные шурупы из сухого дерева выворачивались без труда, и он складывал их в пластиковый пакетик. Наконец, положил первую створку на пленку и принялся за вторую. Работал он споро, умело и Надя, успокоившись, что никакой опасности для домашнего хозяйства «плотник» не представляет, даже вышла. Вернулась она минут через тридцать и увидела, что снятые детали не валяют-

ся, а лежат на упаковочной пленке в определенном порядке: створки вместе, полки вместе, шурупчики в пакетике. Теперь Давид отсоединил тонкую заднюю стенку и готовился снимать крышку шкафа, но пока лишь рассматривал верхнюю резную переднюю панель.

– Вы как, с перекуром работаете или без? – поинтересовалась Надя, приступившая к своему плану, который она придумала, получив указание генеральши: «плотника не отваживать».

– Не курю! Мне нормальная дышалка нужна, – не без гордости заявил он и добавил зачем-то: – Мы с Антоном спортом занимаемся. В хоккей по вечерам играем, может быть слышали – ночная хоккейная лига?

– Дома по ночам сидеть надо, семьей заниматься, а вы по каткам шмыгаете, – проворчала Надя, у которой были свои представления о здоровом образе жизни.

– А мы холостые, да и играем не каждый вечер, так что на культурную жизнь и на девушек времени хватает, – парировал Давид.

– Ладно, холостой, пойдем на кухню, я там чай поставила, или тебе кофе сделать? И бутерброды, – распорядилась Надя, решив, что мастеру стоит все-таки сделать паузу и подкрепиться.

По пути Надя приоткрыла дверь, из-за которой звучала

скрипка, и позвала: «Лора, приходи чай пить, сделай перерыв, отдохни – уже больше часа «пилишь»».

– Добрый день, – произнесла высокая девушка в темно-синем трикотажном «комбинезоне», который был перехвачен поясом из такой же ткани, подчеркивая высокую талию. Руки были открыты, кожа немного смуглая, но не загорелая – видно, не часто жаловала Лара солярии. Она была в туфлях на высоких каблуках, что добавляло ей еще несколько сантиметров.

– Меня Лара зовут, а вы – плотник, который будет делать шкаф? – при этом она довольно откровенно рассматривала Давида.

– А меня Давидом зовут! И я не плотник. Плотники – те могут дом срубить, забор поставить, они с досками, с бревнами работают. А я столяр-краснодеревщик, к тому же реставратор. Это, так сказать, другая категория, – пояснил Давид, не в первый раз столкнувшийся с пробелами в знаниях о том, кто и чем занимается с деревом.

– Ну вот, а человечество все-таки поклоняется сыну плотника, а не столяра, – уколола его Лара.

– Это кому же?

– Иисусу, сыну Иосифа из Назарета.

– Библия допускает разное толкование профессии Иосифа, а Иисус все-таки считается сыном божьим, – ловко возразил Давид, – И, вообще, нам, столярам, виднее!

Лара рассмеялась. У них в оркестре хватало представите-

лей разных национальностей, и у каждого был свой взгляд и на историю, и на роль в ней отдельной личности. А этот столяр оказался подкованным и остроумным парнем!

В мастерской Давид выгружал разобранный шкаф вместе с Антоном, делясь впечатлениями от посещения генеральской квартиры.

– А как тебе Лара показалась? – наконец поинтересовался Давид.

– Какая Лара? А, это та, которая чуть дверцу от шкафа не оторвала? – оживился Антон.

– Ну да! Дочка, скрипачка, красивая такая девушка в синем комбинезоне, с весьма впечатляющими формами. И такая «боевая линия» бедра у нее! – при этом Давид мечтательно вздохнул, закатив глаза.

– Да не видел я тогда ни ее, ни линии бедра, – вернул Давида с небес Антон.

– Ну вот, значит, главного ты и не видел. Все деловые переговоры ведешь, а надо по сторонам смотреть, наблюдательнее быть.

– Так ты что, советуешь найти предлог и подъехать, посмотреть на скрипачку?

– И не советую, а настоятельно рекомендую, – подвел итог разговору Давид. – Посмотришь на нее, оценишь и подтвердишь точность моего глазомера. Сто девяносто минус десять на каблук будет сто восемьдесят.

– Чего сто восемьдесят? – ничего не понял Антон.

– Росту сто восемьдесят! Ну, плюс сантиметр – другой на допуск, – объяснил Давид.

– Или сантиметр минус! – согласился Антон. – Только вот душка у нее точно не на месте.

– Какая душка? – тут уже ничего не понял Давид. – И откуда ты знаешь, если ты ее не видел?

– Не видел, Давид, не видел! – отшутился Антон. – Но слышал! А это, как ты понимаешь, уже большой «плюс»... А душка – это не душа, а такая планочка внутри скрипки.

Через два дня Антон с портфелем, в каких носят ноутбуки, стоял перед дверью уже знакомой квартиры в доме на Сивцевом Вражке. Поскольку он позвонил заранее, то Надя открыла ему без колебаний. Она уже осознала, что допустила небольшую промашку, привечая Давида. «Главный – Антон!», – еще раз вразумила ее Валентина Григорьевна.

– Я за договором приехал! – пояснил Антон цель своего визита.

– Знаю, знаю. Сейчас принесу бумаги, Петр оставил, чтобы тебе отдать, – наигранно суховаато предложила «домоправительница». – Слушай, а ты часом не проголодался, время как раз обеденное? – вдруг оживилась она. – Может, присядешь с нами? Я щи с квашеной капусткой только-только с плиты отставила?

– Только-только? С квашеной? – зачем-то уточнил Антон,

смешавшись. – Да, нет, я могу вполне и в кафе перекусить!

– Конечно, можешь и в кафе! – в коридор выглянула красивая, с гладко зачесанной головой русоволосая девушка. – Но только там таких щей, как Надя варит, никогда не дадут! Это ты шкаф делаешь?

– В общем, я. Конечно с помощниками, у нас мастерская, – ответил Антон и стал снимать куртку, а следом и ботинки, увидев, как Надя подтолкнула в его сторону тапочки.

– Руки иди мой! – распорядилась Надя, обрадовавшись, что может покомандовать.

Когда он вошел на кухню, на столе уже стояла для него тарелка и Надя из большой супницы наливала ему щи.

– А я – Лара! – представилась девушка, усаживаясь напротив Антона.

– Да я уже догадался! А я – Антон, – назвал себя молодой человек. Он осторожно попробовал первую ложку щей и блаженно зажмурился: «С квашеной! Вкусно!».

– Папа сказал, что ты шкаф даже руками погладил! Обещал поговорить с деревом. И что же ты узнал от него? – заинтересовалась девушка.

– Ему чуть больше ста лет. Когда-то на верхней полке лежало дамское белье – легкое, шелковое, пропитанное ароматами туалетной воды и духов. Скорее всего, в белье клали пустые флаконы, где оставалась капля – другая. Но все ароматы, в конце концов, перемешались. Сейчас «ноты» тех старых духов не имеют аналогов в новых составах. Их мож-

но почувствовать, но искать сегодня даже в лучших бутиках бесполезно. Да. Потом на нижней полке лежало мужское армейское белье, а потом накрахмаленные рубашки, на створке на специальной перемычке висели галстуки, в самом низу стояла обувь, в основном дамская, сапог в нем не было. При переездах его не разбирали, так что ему немало досталось. А потом он жил на холодной даче и зимой промерзал, с весны оттаивал помаленьку. Лак поначалу трескался, а потом начал шелушиться. Задние ножки прямые, сделаны из сосны, но от времени превратились в труху...

Забыв о чудных щах с квашеной капустой, Лара с удивлением слушала Антона.

– Да что же это ты, совсем заговорил девушку! – прервала рассказ молодого человека вдруг возникшая за Ларой домохозяйка. Уперев руки в боки, она с укоризной глядела на Антона. – Стылые щи – они разве на опохмел утром годятся!

– Ну, этим мы не страдаем! – виновато оправдывался Антон.

– Да, да! – подхватила Лара, скрывая улыбку.

– Да, спасибо за заботу! Вот если бы ты так внимательно к фамильной реликвии относились! – отвечал Антон, с аппетитом вернувшийся к супу.

– А ну-ка, ну-ка, вот можно отсюда подробнее?! – встрепенулась Лара. – Если бы я, то – что тогда?

– Тогда что? – поменяв местами слова, перестал есть Ан-

тон. – Что тогда? Да цены бы вам, тебе просто не было бы! – отчего-то понизив голос и глядя Ларе прямо в глаза, отчетливо выговорил Антон. Взгляда не отвел. Повисла пауза. Девушка почувствовала, как кровь прилила к лицу. «Что это со мною? Я и не помню, когда краснела последний раз?!» – спросила себя Лара. «Кажется, я только что лажанулся?!» – спросил себя Антон. Оба замолчали.

Помощь подоспела во время.

– Ах, ты, умный какой выискался! – опять уперла руки в боки Надя. – Да нашей Ларочке никакой цены и нет! Ты про свои деревяшки вон как рассказываешь, глаза горят! А ты на нее лучше посмотри, ну, не красавица разве?! Она же у меня на руках выросла, с крохотулечки вон в какую кралю вымахала!

– Ну, положим, деревяшки не мои, а ваши! – возразил Антон, механически водя ложкой в тарелке. И подумал: «А вот «краля вымахала» действительно замечательная! И что она вдруг так покраснела? От неожиданности? От удовольствия?»

«...И спортом занимается, и на скрипочке не просто играет, а в настоящем оркестре выступает!» – заливалась Надя.

Лара уже справилась с собой и, заглянув Антону в глаза, улыбнулась уголками губ и слегка покачала головой – мол, слушай, слушай, но дели надвое. Антон расплылся в ответной улыбке – да все понятно.

На вид Наде было уже за шестьдесят с лишком лет. Даль-

няя родственница семьи Соколовых, она была выписана в няньки к новорожденной Ларочке из деревеньки под Рязанью. И вот уже как двадцать шесть лет пребывала она в семье генерала. Растила Лару, помогала по дому и как то незаметно стала членом семьи. Естественно, Надя пыталась баловать девочку, но сама ни музыкальным слухом, ни физкультурными навыками не обладала. Зато обладала достаточно твердым характером, генерала не боялась, с генеральшей поначалу боролась, но затем, став ее союзницей, превратилась в домоправительницу. Правда, Наденька знала свое место в семейной иерархии, когда надо было, могла быть незаметной и за негласно определенные сторонами рамки не выходила. А тут представился случай обрушить всю свою энергию на беззащитного «плотника»! Кто же откажется от такого случая? Тем более, что Лару она любила как родную дочь.

– Да, верно вы все говорите! А я вам вот что скажу – цены им нету! – прервал Надю Антон, отодвигая пустую тарелку. – Да и вы себе цену не знаете! Я как-то пробовал щи у «Петрова-Водкина». С вашими не сравнится!

– Ты с Петровым водку пил? Какой такой еще Петров? – опешила Наденька.

Антон с Ларой рассмеялись почти синхронно.

– Да ни с каким Петровым Антон водку не пил! Это так ресторан называется! «Петров-Водкинъ», – успокоила девушка Надю. – Я там тоже бывала пару раз. Вкусно, но до тебя им далеко! Хотя цены у них вполне себе.

– И что за моду взяли в ресторанах суп кушать?! – сокрушенно махнула рукой Надя. – Чай, дома не накормят? Котлетки будете? – успокоилась женщина.

– Будем и котлетки! – оживился Антон. – Чай, и гарнирчик к ним у вас найдется?

– А то? Пюрешка с укропчиком.

И возникли на столе блюдо с горячими телячьими котлетками, и пюрешечка под укропчиком, и бутылочка пахучего подсолнечного домашнего масла.

– Для пюре Наденька покупает только одну картошку – липецкую, ей эти липецкие, когда приезжают в Москву, сразу звонят и привозят к нам, – сообщила Лара.

За вторым Антон спросил девушку:

– А как ваш инструмент? Показывали мастеру?

– Да, папа передал мне про какую-то «душку». Я, честно говоря, слабо себе представляю, что это такое, да и мастера у меня нет. А что, это очень опасно? Мне кажется, что звучит она хорошо!

– Звучит хорошо, но может звучать лучше! – заверил девушку Антон. – А душка – это распорка внутри деки, она передает колебания верхней крышки на дно. И от того, как она установлена, зависит звук. Ты, кстати, не роняла инструмент? Может, что-то на скрипку падало?

– Да нет, кажется, ничего такого не было! – нахмурилась Лара.

– А взглянуть на нее можно? – осторожно спросил Антон.

– Пойдем, – сказала Лара, приглашая жестом следовать в ее комнату.

Антон бережно взял скрипку, будто пробуя ее на вес. Затем, поддерживая левой рукой за нижнюю деку, а правой за головку, секунд пятнадцать-двадцать смотрел в окно. Прищурил левый глаз, и, закрыв правый, перебросил взгляд на гриф. Подошел к окну, крышкой деки поймал солнечный свет и заглянул в эфы. Удовлетворенно хмыкнул себе под нос. Попросил у Лары смычок, положил его на верхнюю ми и осторожно извлек звук. Скрипка отозвалась.

– Струны – «томастик»? – осведомился Антон. Лара, присев на тахту, только согласно кивнула.

– Ну, вот и миленько! Все сходится, как выражается твой папа. Инструмент замечательный, по возрасту дерева – конец девятнадцатого века, место рождения – Германия. Не уверен точно, но очень похоже, что это Людвиг Нойнер из Миттенвальда. Могу, конечно, ошибиться, надо показать экспертам.

– Не надо никому показывать! – обрела дар речи девушка. – Это настоящий Нойнер, Германия, Миттенвальд, одна тысяча восемьсот девяностый год! А вот кто ты, откуда такой взялся? Ты и плотник, и столяр, и краснодеревщик, и мастер-реставратор? И смычок ведешь уверенно. И тонику от ноты ре, думаю, сразу назовешь?!

– Ну, это элементарно! Я и тональность могу определить

запросто! – засмеялся Антон, подходя к пюпитру и заглядывая в ноты. – Так, при скрипичном ключе соль у нас, вернее, у Вивальди, имеется два диеза – до и фа. Разумеется, второй октавы. Последняя нота в коде – ре. Значит, тональность пьесы? – подначивая, Антон посмотрел девушке прямо в глаза.

– Он еще и издевается! Это же совсем элементарно! В детской музыкальной школе уже в первом классе это все знают.

– Вот! А я полных три класса в ДМШ «отпилил» на скрипке! – похвастал Антон. – На большее не хватило.

– Ну, это хотя бы что-то объясняет! – усмехнулась Лара. – Но далеко не все. Как можно с одного взгляда, с первого прикосновения определить возраст и мастера?

– Хочешь узнать?

– Ты это серьезно?

– А ты мне что, не доверяешь? – обиделся Антон.

– Ну, ты наглый какой! Я тебя вижу в первый раз! – возмутилась Лара. Поднялась, приблизилась к Антону, коснулась рукой плеча. – И... не знаю почему, но доверяю! Глаза у тебя такие, такие... – смешалась девушка.

– Какие? – тихим шепотом переспросил Антон, приблизив лицо к лицу Лары. И должен был последовать за этим доверительным движением киношный поцелуй в диафрагму. Но он не последовал. Пока.

– Какие? А вот такие. Как два диеза, ре-мажорные! – засмеялась Лара, мягко оттолкнув руками Антона от себя.

– Слушай, можешь не отвечать, но откуда у тебя Нойнер? Он же, наверное, денег стоит! – Антон едва не присвистнул, но глаза закатил, не удержался.

– Ну, как любит говорить мой поклонник, не дороже денег!. Нойнера он мне вручил и сказал, что теперь я могу на нем играть, сколь долго мне заблагорассудится! Но как подарок – ничем не обозначил. Вот мой тебе ответ.

– Что – олигарх?

– Знаешь, – серьезно ответила девушка. – Олигарх, не олигарх, но человек очень даже обеспеченный. И ничего такого пафосного в нем я не замечала. Одевается просто: мягкая обувь из замши, джинсики, курточки. Несколько раз приглашал меня ужинать, никаких костюмов от Бриони или еще чего! А, вот только что! – припомнила девушка. – Машина у него сумасшедшая просто! «Майбах», кажется, называется. Натуральная кожа, дерево, квадросистема. Звук ураганный! Говорит, у этой машины самый плавный ход, а у него с позвоночником какие-то проблемы. Подумать страшное, сколько он за него отвалил!

– Ну, наверное, не дороже денег! – улыбнулся Антон. И не стал он, конечно, раскрывать Ларе секрет, как с первого взгляда определить мастера и год рождения скрипки. Надо только знать, куда и под каким углом смотреть. Потому он и подошел к окну, «поймал» свет и заглянул в разрез эфы инструмента.

Когда Антон вернулся в мастерскую, Давид рассматривал верхнюю панель шкафа и на листках плотной бумаги рисовал, как она должна будет выглядеть в восстановленном виде. Он считал, что нужно нарастить отколотую часть, вырезав ее из липы. А потом, отмыв старую пластину, покрыть темным лаком все вместе, выравнивая весь шкаф по цвету.

– Давид, а ты что предпочитаешь в этот послеполуденный час – коньяк или виски? – неожиданно спросил Антон компаньона.

– Вообще-то я выпивать не люблю, и ты это знаешь. Но тут мой дружбан, дагестанец, вместе служили в морских котиках, привез бутылочку коллекционного коньяка «Дербент» – редкость в Москве. Я хотел для себя приберечь для особого случая. Но в субботу в одно семейство на день рождения иду, придется там его попробовать.

– А если я тебе виски презентую? – спросил Антон.

– Ну, если есть выбор – шотландское, односолодовое, и не «затертое» какое-то, то выберу виски. И я с ним в одно семейство в субботу на день рождения пойду. И буду там уважаемым гостем! А с чего это ты решил расщедриться?

– Да вот по твоему совету познакомился с генеральской дочкой. Ларой. Хороша!

– И что, с первого взгляда влюбился? Она в синем комбинезоне была?

– Со второго. Синий комбинезон? Нет, в джинсах она была. И в безрукавке. Ладно, пить по этому случаю не станем.

Пока. А гостем ты уважаемым в субботу будешь, вот, держи! – презентовал Карпачев Давиду зеленую цилиндрическую коробку «Spreyburn». – Сингловый, десятилетней выдержки.

– Ну, спасибо, дорогой! – растроганно сказал Давид. – А Лара – девушка хорошая, умная. И есть в ней что-то такое, такое... – задумался компаньон.

– Какое такое, ты можешь сформулировать? – уточнил Антон.

– Глаза у нее широко расставлены, вот! – обрадовался на ходу Давид.

– Да что ты говоришь?! – удивился Антон. – А я ведь все время ей прямо в глаза смотрел и ничего такого не заметил!

– Точно, ты влюбился! Но ты не бойся, так бывает...

– Да не боюсь я! С чего это мне бояться? – словно убеждая самого себя, возмутился Антон.

– Ну, знаешь, иногда любовь может и сводить с ума! А тебе сходить с ума нельзя, тебе рассудок надо в трезвости держать, чтобы работу делать. Сколько у нас на этот шкаф времени?

– Три месяца! Успеем? И, кстати, время пошло, договор генерал подписал сегодняшним числом.

– Должны успеть! А за три месяца ты можешь и жениться, если она тебя тоже полюбит с первого взгляда. А можешь и разлюбить. Если она тебя не полюбила, да?

– Да! То есть, нет. Логика у тебя какая-то неправильная!

– Да какая там логика! Это жизнь. А жизнь – когда она по логике строилась?

– Ладно, давай показывай, что ты там нарисовал? – прервал его Антон.

– Вот, смотри сюда! Этот сектор самый сложный, тут надо будет срезать толстый слой дерева и сделать вставку.

– По текстуре совпадем? – озаботился Антон.

– Я уже подобрал несколько брусочков, посмотрим. Слушай, Антон, а давай его снимем на фотик с самым большим разрешением, потом закачаем в нотик и поработаем его в векторной графике?

– Фотик, нотик, сектор, вектор! Все у тебя просто, Давид! А ты представь, что нет у тебя ни фотокамеры, ни компьютера, а про векторную графику никто и слыхом не слыхивал?! Вот как оно было раньше?

Давид обиженно засопел, помолчал.

– Раньше, раньше! Так то и было раньше! А, послушай лучше анекдот про раньше?

– Ну, давай свой анекдот! А с фотиком и нотиком – хорошая мысль!

Весна в Москву никогда не приходит вовремя. Как шаловливая девчонка она руководствуется не календарем, а, скорее, какими-то своими ощущениями и капризами. Ну, и что, что первая декада марта на исходе? И потом как-то вдруг – пора! И сразу взрыв во всем – и в природе, и в погоде, и в

людях.

«Странно, – подумала Лара, проснувшись от упавшего на подушку солнечного луча, – Вот уже и пятница, а он что-то не звонит!». Она ощущала легкий озноб от пробуждающегося приятного влечения.

И вот оно, еще одно подтверждение, что телепатия существует. Стоило Ларе подумать об Антоне, как зазвонил мобильник.

А что тут удивительного? Зима была вчера. Или позавчера, неважно. Сегодня – весна. И завтра будет весна.

Лара не кинулась сразу в разговор с Антоном и попросила его перезвонить через час – столько времени она отвела себе на всякие умывания и завтрак. Часы в ее комнате показывали десять. «Правильный мужчина, знает, что звонить можно после десяти утра и не позже десяти вечера», – с некоторым удовлетворением, что Антон не разочаровал ее предположений о его джентльменстве, отметила про себя Лара.

Тщательно почистив зубы, сострила гримаску зеркалу. Подняла руку, раздвинула пальцы веером, осмотрела ногти. Вздохнула, вспомнив, как на вчерашней репетиции Жанка Данилова, тыча в лицо правой рукой, увещевала: «Нет, мать! Ты всмотришь в каждый ноготок! Сегодня самый модный тренд – мини-миниатюра на ногтевой пластинке! Рисуют аэрографом специальными красками! Только мужики, бабам не доверяют! Полтора часа на каждый палец, пред-

ставку? И еще полчаса под специальной лампой – для поли... Как ее там? Минерализации! А я хочу и на ногах себе аэрографию сделать, лето ведь уже на носу!» – просто заходила подружка.

Лара до рези в глазах всматривалась в миниатюры на ногтевых пластинках, восторженно, как ей казалось, делала страшные глаза, но когда Жанна стала ее уговаривать сделать модный маникюр, Лара не выдержала: «Жанка, ты на чем играешь?! – Жанка заткнулась, округлив глаза. – Ну, ты чего? На флейте! – Тебе ногтевые пластинки не мешают? Вот, не мешают! А мне мешают! И как я буду выглядеть с правой ладонью в трендовом маникюре, и с левой, по которой будто газонокосилкой проехали?»

Жанка обиделась было, надулась, но была она характером отходчива и через каких-то пять минут увещевала Лару: «Ну не хочешь аэрографию, давай тебе татушку сделаем?! На лобке или на ягодицах – это сейчас самый последний писк! У меня знакомый мастер есть – колет, ничего не почувствуешь! Смотри, какую саламандру он мне наколол!» – Жанна уже начала было оттягивать юбку вниз, но Лара перехватила ее за руку: «Жанка, да ты совсем с катушек съехала!». «Нет, это ты со своими каприсами «отъезжаешь». И далеко-далеко! – сердилась Жанна. – Он даже мальчиков из... – Тут она сделала таинственный вид, приблизилась и выдохнула Ларе прямо в ухо, – ...Из самой администрации накалывает! Ты что, мать, у него очередь на полгода расписана! Но я его по-

прошу, он тебе без очереди назначит!» К счастью, их снова позвали в зал.

«А что? Наколю себе тату, мама купит мне фа-ту!» – напевала про себя Лара дурацкие строчки, пришедшие вдру на ум, и выкручивала кран холодной воды до упора. Сколько себя помнила, всегда завершала утреннюю водную процедуру ледяным душем. Это бодрило и быстро возвращало в реальность. Растерлась махровым полотенцем. «Фату, тату! Ни о том ты думаешь, дуручка! Совсем не о том. А думаешь ты о ком...»

И только стоило Ларе подумать об Антоне, как мобильник отозвался моцартовским рингтоном.

– Слушай, а давай как-нибудь вечер проведем вместе, красиво, с ужином, с концертом? – после полутора минут вступительного трепя предложил Антон.

– Где это ты такое в Москве видел? Или в книге вычитал? – поинтересовалась Лара.

– Я был недавно в Питере, в Мариинку приглашали кое-что посмотреть из старинной мебели в директорском кабинете. Ну, заодно и дали билет на вечерний спектакль. Так там, справа от театра, через улицу есть такой «Ирландский паб». У англичан принято, оказывается, перед театром идти в ресторан. Вкусная, надо сказать, привычка. Я-то оказался там, потому что проголодался, а у них – традиция. И паб ока-

зался вполне приличный. И потом балет посмотрел с большим удовольствием, – поделился опытом Антон.

– Но мы не в Питере! И куда ты предлагаешь нам пойти на ужин перед культурной программой? – с еле заметной иронией поинтересовалась Лара.

– Давай поедем в киноклуб «Эльдар» – место уютное, это на Ленинском проспекте. Там во вторник концерт вечером будет. Поедем до пробок, часов в половине пятого, в шесть сядем за столик, а в семь тридцать – бардовский концерт, Никитины петь будут.

– Ну, да, очень миленько! Все правильно, по рекомендациям диетологов – ранний ужин, а после семи вечера только барды, то есть духовная пища, – оставаясь на «игривой» волне опять подначила Лара.

– Так там вполне неплохой ресторан под названием «Жестокий романс». А после концерта уже без пробок я тебя отвезу домой, – бесхитростно изложил свою «логистику» Антон.

– Хорошенькое название для ресторана! – рассмеялась девушка. – А меню у них соответствующее?

«Интересно, а куда это «домой» он меня отвезет? Ко мне, к себе? – подумала Лара. – А, как будет, так и будет...»

«Ну, что ты опять с этим ай-пятым завтракаешь? – укоризненно заметила Надя, подвигая Ларе сметану. – Ты со сметанкой оладушки! Или, хочешь, вареньица достану?...» Не получив ответа, домохозяйка вернулась к плите. Лара

правой рукой – левая была занята оладушком, набрала на айпаде запрос: «Ресторан «Жестокий романс», меню» и принялась читать.

– Супчик к обеду какой варить, Ларочка? – прервала ее гастрономические изыскания Надя.

– Что? Супчик? А свари рассольничек, очень он у тебя хорошо получается! – неожиданно ответила Лара.

– А что? – подхватила Надя. – Рассольничек, с перловочкой, с огурчиками – давненько не варили мы!

– Угу, давненько, уже давненько! – подхватила девушка, вчитываясь в «ай-пятый». Потянулась за оладушком, поднесла его ко рту, да так и застыла.

«...А напоследок всем скажу, а напоследок я скажу – любить тебя не обязуюсь. С ума сойду и расскажу...» – безбожно перевирая текст, вдруг вполголоса запела Надя романс из одноименного фильма Эльдара Рязанова. Нет, она и раньше часто пела за готовкой у плиты. Но отчего ей на ум пришли именно эти строчки? Именно сегодня, именно сейчас?!

Оладушек вернулся на тарелку.

– Надя! – страшным голосом позвала, как в детстве, Лара.

– Что, Ларочка? – испуганно обернулась Надя.

– Надя, кажется, я влюбляюсь! – тихо и зловеще прозвучал ответ.

– В плотника? – тоже полушепотом уточнила Надя, машинально вытирая нож о передник.

Почему-то этот жест вернул девушку к реальности.

– Он мебель режет. Столяр он, Надя. Мастер.

– Ну, в мастера не грех и влюбиться.

В «Эльдаре» они сначала пошли вниз, в кафе и решили в нем остаться, не переходить в ресторанный зал. Стены кафе были украшены плакатами фильмов и фотографиями знаменитостей. А еще на одной стене висел стул – тот самый, который снимался в «Двенадцати стульях», в другом проеме стоял трон Кощея Бессмертного, на котором разрешалось посидеть. На спинках стульев красовались имена прославленных режиссеров, актеров, актрис, композиторов. В меню против названий стейков, котлет, отбивных и прочих блюд значились имена «Деточкина», «Шекспира», «Подберезовикова». Читалось это все романтично, выглядело аппетитно, и на вкус было вполне достойно. Атмосфера была непринужденной. На самом деле они не были голодны и получали больше удовольствия от общения, чем от еды. Лара, по особому случаю, перед уходом из дома «пшикнулась» новой маминой парфюмерной водой, соблазнившись рекламой, что в шлейфе ее аромата «скрываются оттенки чувственного эротизма». Как это должно подействовать на Антона, она не представляла. Но, на всякий случай...

Когда они поднялись в фойе, там было уже многолюдно. Они сдали в гардероб Ларин норковый жакетик и спортивную куртку Антона. Вокруг преобладали зрители среднего

возраста, для которых Никитины были героями их молодости.

– О, Антон! – узнал его седовласый рослый сухопарый мужчина, не скрывавший своего удивления, – И тебе, оказывается, это интересно?!

– Дядя Юра, а я и не знал, что вы в Москве и на этот концерт идете! – несколько растерявшись, ответил Антон. Но спохватился и представил свою спутницу, – Знакомьтесь, это Лара, скрипачка.

– Ну, вот так сразу – скрипачка! Сказал бы – моя подруга, или как сейчас модно, герлфрэнд!

Мужчина в модном синем льняном летнем – обгоняя погоду – пиджаке, легких фланелевых брюках и голубой рубашке в тонкую белую полоску, с расстегнутым воротом и без галстука, с какой-то грустью во взгляде серых глаз, держался просто. Протянув руку и слегка, едва заметно склонив голову, он назвал себя.

– Юрий Иванович! Я брат его мамы и, следовательно, дядя Антона.

– А он, следовательно, ваш племянник! – непринужденно подхватила Лара. Мягко улыбнулась, протянула в ответ руку, но мужчина не стал исполнять традиционное рукопожатие в стиле «здравствуй, товарищ», а взял в свою ладонь ее пальцы и приподнял кверху.

– Действительно, скрипачка, причем занимаетесь постоянно и подолгу, это по подушечкам чувствуется, – констати-

ровал Юрий Иванович.

В этот момент раздался звонок, приглашающий всех в зал.

– Ладно, пошли, потом еще увидимся, – предложил Антон.

Дядя Юра чуть притормозил племянника и шепнул ему на ухо: «Хватать и не выпускать!».

Антон согласно кивнул головой – мол, какой разговор, понял.

Сам Юрий Иванович был «правильным» мужчиной. Таким, который знает, как распорядиться каждой свободной минутой, который поддерживает себя в форме, занимается спортом и все такое. Такими бывают «киношные» сотрудники спецслужб. А иногда и не киношные, всамделишные. Впрочем, и таких не обходят удары судьбы.

– Дядя Юра дипломат, работал в МИДе, полсвета объездил, где он только не бывал, – в двух словах поведал Ларе о своем родственнике Антон. – Три года назад овдовел и ведет затворническую жизнь, но вот на Никитиных выбрался.

После концерта Лара позвонила маме.

– Мам, у меня все в порядке, – начала она с нотками радости и удовольствия в голосе. – Концерт чудесный, пели Никитины прелестно, многие песни ты слышала в своей молодости. Под музыку Вивальди? Конечно, и Москва слезам как не верила, так и не верит. Знаешь, мы, может быть, заедем к Антону, – бросила она взгляд на молодого человека, вспом-

нив его программу вечера. Но тот с непроницаемым лицом ничем не подтвердил возможность «заезда к Антону». – За меня не беспокойся. Все – буду по обстоятельствам, точнее – по ситуации! – завершила тихим голосом разговор с родительницей Лара.

А ситуация сложилась такая, что к удивлению и даже удовольствию Валентины Григорьевны, довольно скоро Лара оказалась дома. И без лишних вопросов было понятно, что «может быть» сегодня не состоялось.

Ближе к полуночи этого же дня Антон позвонил своему дяде – тот ложился поздно и на звонки «вне протокола» отвечал без замедления. Молодому человеку хотелось услышать что-то еще о своей спутнице от опытного родственника, сделавшего себе хорошую карьеру и обладающего большим жизненным опытом.

На самом деле Лара настолько нравилась Антону, что он мог бы даже согласиться, что влюбился в нее.

– Хорошая девушка, и вкус у нее имеется, и держится хорошо, уверенно, без выпендрежа, и весьма сексапильная, – дал свою почти профессиональную оценку матерый дипломат. – Так что выбор твой одобряю, с семьей ее познакомился уже?

– Так я сначала с семьей и познакомился, а потом уже и с ней, – пояснил Антон.

– Очень хорошо. Раз они против тебя ее не настраивали,

это уже хороший признак. Не надо будет бороться с ветряными мельницами.

– Дядя Юра, а я слышал, что вы еще не так давно в семье имели репутацию крепкого бабника.

– Ладно, – решил приоткрыть занавес Юрий Иванович. – Да будет тебе известно, я всегда был и остаюсь, хотя годы уже не те, дамским угодником, вульгарно называемым бабником. Что делать, как меня научили восхищаться античной живописью и скульптурой, так я и остался поклонником женской красоты. Правда, самой прекрасной женщиной я любовался в Париже, – и тут он сделал небольшую паузу. – В Лувре стоит Ника Самофракийская. Будешь в Париже, обязательно сходи. Подле нее можно часами стоять.

– А говорили, что перед вами ни одна женщина устоять не могла, через полчаса общения она уже была ваша.

– Это все враки. Мне за твоей тетей ухаживать пришлось почти год, умела она мужиков выдерживать, проверять на время. Хотя, так и быть, расскажу тебе один прием, о котором я узнал от джазистов. Когда-то в оркестре Утесова был ударник, который по приезду в любой город через час уже запирал замок в гостиничном номере на два оборота. А коллеги интересовались, как ему удавалось так быстро соблазнить женщину. Он объяснил: если она меня возбуждает, то стараюсь каким-то способом «дать ей в руку», так сказать, почувствовать прилив страсти – это очень сближает.

– Ну, это уже совсем! – не мог найти нужное слово Антон,

не столь искушенный в технологиях соблазнения.

– Вот именно! Да я таким способом и не пользовался, так что у меня романы были затяжными. И знаешь, не верю я в эту байку про утесовского ударника. Скорее, он так отваживал праздно любопытствующих. Но секретное оружие для женщин у меня было: я с ними разговаривал, им это было интересно. А поскольку я много читал, то и рассказать было о чем. Так что мне везло больше, я любил, меня любили. А ты с этой девушкой, в каких отношениях? То есть, в какой стадии? Смотрел ты на нее откровенно влюбленным взором. Я даже за тебя порадовался. В общем, повторюсь, держи ее двумя руками и не отпускай. И еще одно учти – если любовь будет оставаться платонической, то она может оказаться весьма обременительной. То есть, в материальном смысле. Причем первым ощутит это твой худеющий бумажник. Захотите заехать ко мне в гости, милости прошу. Только предупреди заранее, сам знаешь мои обстоятельства, живу-то уже почти три года один.

И пришел апрель, и Москву накрыла неожиданная волна горячего воздуха, и все быстро достали из шкафов и чемоданов летние вещи, раскрасив улицы, бульвары и площади пестрыми светлыми нарядами. В воздухе уже перемешивались самые разные запахи – свежееуложенного асфальта, распускавшихся листьев на деревьях, туалетной воды, духов. В общем, чувствовалось влияние эндорфинов – даже незнако-

мые люди улыбались друг другу, а решительные молодые люди пытались пообщаться с кокетливыми девушками.

Размышляя, как назвать Лару к себе, Антон прошелся по своей квартире. (дом хороший, кирпичный, постройки шестидесятых годов, в глубине Ленинского проспекта. Он как-то очень вовремя купил эту «однушку», хотя и пришлось влезать в долги у родственников и у пары коллег. Впрочем, не в такие тяжелые, как если бы брал кредит в банке. Просторная прихожая со шкафами для одежды, коридорчик, первая дверь – ванная со стиральной машиной, вторая – туалет, и дальше – кухня. Кухня была хорошая, в десять полноценных квадратных метров. Около полуметра, правда, «отъедал» выступ вентиляционной камеры, но и в этом было определенное удобство – за ним хорошо «прятался» холодильник. И комната довольно большая, метров двадцать пять, светлая за счет большого, во всю стену окна рядом с балконной дверью. Возле окна большой письменный стол, компьютерный монитор, открытый стеллаж с папками, ватманами, чертежами. На стене квадратная абстрактная картина, составленная из маленьких деревянных брусочков разных оттенков и рисунков. В глубине – как бы «альков», где разместились широкая постель, глубокое кресло и небольшой, но не обычный журнальный, а раскладной ломберный, карельской березы столик, с антикварной латунной, в стиле «арт-нуво», настольной лампой под абажуром и несколько-

ми книгами.

Ну, конечно, еще и гордость Антона – небольшая столлярная мастерская, которая была устроена в застекленной лоджии. Хороший профессиональный свет, стоивший сумасшедших денег. Верстак с тисками, японский сверлильно-строгально-фрезо-шлифовальный станок, полный набор рубанков, фуганков, стамесок, резцов и сверл. Шкаф с химией: грунтовок, морилки, растворители, лаки, краски и смывки. Вытяжной шкаф с вентилятором, толстая кишка гофры «на улицу».

Сосед сверху, симпатичный пенсионер союзного (увы, в прошлом) значения Илья Лазаревич звонил иногда по городскому телефону справиться у Антона: «Тоша, вам ничем не пахнет?». На что Антон отвечал всегда одним и тем же. Пару раз громко шмыгал носом в трубку, выдерживал пятисекундную паузу и извещал соседа: «Пахнет, Илья Лазаревич! Это запах большого города. Он строится, разрастается, в него приезжают новые люди, они привозят новые запахи. Как ваше здоровье, Илья Лазаревич?». Двухминутный монолог пенсионера можно было и не слушать, чем Антон частенько и грешил. Тем более, что процесс покраски прерывать было никак невозможно.

Осмотром своего жилища Антон удовлетворился и пошел на кухню варить кофе. «Ну, не могу же я напрямую, вот так в лицо ей сказать, что хочу ее?! – рассуждал молодой человек. – В концерт мы ходили, по бульвару гуляли, в кафе были

несколько раз. На день рождения к Аркашке я ее зазвал. И ведь хочется мне схватить ее в охапку, зацеловать всю и... И в итоге привожу я ее к подъезду дома на Сивцевом Вражке, тремя щечками, она выходит, бросив «Пока! Созво- нимся!». И я тоже хорош. Пока! Доколе? – боролся с терза- ниями плоти Антон. Наверное, тот, что свыше, прислушался и подсказал ответ: «Доколе? Дотоле, пока ты, чадо взрослое уже, а умом – дитя, не сделаешь того, к чему зовет природа, все естество твое мужское!». И Антон решился.

– Хочешь, покажу тебе необычную картину, которую сам смастерил? – предложил он Ларе, услышав в мобильнике ее голос.

– Ты еще и картины пишешь? Хотя, что я удивляюсь?

– Ну, нет. Это необыкновенная картина, такой ты еще не видела. Что-то вроде «Вудс пэйнтинг».

– Ну, если это лесная живопись, то заинтриговал!

– Следовательно, можно расценивать это, как согласие? – осторожно уточнил Антон.

– Ну, по меньшей мере, я расцениваю это так, что ты приглашаешь меня в гости!

В общем – заинтриговал, да и Ларе было интересно посмотреть, как живет столяр. Они договорились о времени, когда Антон подхватит ее после записи Лариного оркестра в студии на улице Качалова.

– И где же твоя чудная картина? – спросила Лара, едва

они вошли в прихожую.

– Сейчас увидишь, – ответил Антон, вешая ее куртку на ветку оленьих рогов. – Тут есть один секрет, – пояснил он. – Тебе обязательно нужно помыть руки, причем с мылом и пемзой. Потом увидишь зачем, даже почувствуешь.

– Загадки говоришь, интригу накручиваешь. Впрочем, руки мыть всегда полезно, – согласилась Лара.

Необычная картина, абстракция в коричневых тонах – от светлой сосны до черного дерева, – висела на стене в комнате напротив входной двери и сразу бросалась в глаза. Скорее это была панель, собранная по принципу пластин для махитовой шкатулки, или панно из пластин янтаря разного цвета и рисунка. Квадратная массивная рама, внутри которой находился круг, составленный из различных по рисунку кусочков дерева – брусков разных пород и разной формы. Этакая своеобразная мозаика. Круг, стянутый стальным обручем, был толщиной в сантиметр – полтора, под ним «подкладка», сплетенная из тонких металлических нитей – как металлический чехол экранированных проводов.

Лара стала рассматривать сочетания пород дерева, ей захотелось потрогать эту полированную поверхность, и она протянула к ней руку.

– Можно? – спросила она Антона.

– Попробуй. Не бойся, скажешь, что чувствуешь.

Лара прикоснулась подушечками пальцев правой руки к картине, потом повела руку над ее поверхностью и вдруг

ощутила, что от картины исходит едва уловимый энергетический поток. Причем в разных участках он отличается интенсивностью, где-то она даже уловила небольшие вибрации, от которых она почувствовала легкое возбуждение. С таким Лара сталкивалась впервые, и она прикоснулась к картине другой рукой. Антон стоял вплотную к ней, его рука лежала на ее талии.

– Я никогда такого не видела, – сказала Лара, повернув лицо к Антону. – Ты сам до этого додумался? Это же какое-то открытие?

– Дизайн, рисунок сделал Давид. Я подбирал породы деревьев. Он и для себя также сделал экземпляр, но чуть отличается. Но поток энергии очень слабый, а потому я и сказал, чтобы ты помыла руки с мылом и пемзой. Жировой слой, естественные загрязнения становятся изолятором, эффект пропадает. Энергетика дерева способна отталкивать негатив и притягивать удачу. Из дерева во все времена делали обереги.

Лара слушала Антона очень внимательно – ох, и не прост волгарь. А как «поет», как завораживает, как лапшу на уши вешает. Она повернулась к нему и осторожно убрала руку со своей талии.

– Антон, вот ты зовешь меня картину посмотреть, а сам на мне какое-то хитрое оружие соблазнения испытываешь. Так?

– Ну что ты! Какое же это оружие? Тебе не нравится картина?

– Картина, конечно, нравится. В ней есть и художественная энергетика, и каждый может увидеть, почувствовать свое, но ты все-таки на мой вопрос не ответил – ты меня соблазняешь?

– Ну, если бы не попытался, ты могла бы обидеться на недостаточное внимание, – начал оправдываться Антон, тем самым соглашаясь, что определенные надежды воздействовать картиной на девушку, у него были.

– Сейчас ты меня угостишь кофе, и отвезешь на Сивцев Вражек, домой, к родителям! – почти приказала Лара. Но увидев, как увял Антон, добавила. – А я к тебе сюда вернусь. Скоро.

При этом веселое выражение ее заблестевших глаз придавало словам особый смысл.

Проходя на кухню, она пропела строчки из бардовской песенки: «Мой милый, жди меня, мой милый, и я приду, приду, приду!». А увидев удивленное лицо Антона, указательным пальцем дотронулась до кончика его носа.

– Тут у меня мозолей нет! Чувствую я все, да и просто вижу, как тебя, бедненького, распирает изнутри. У меня завтра нелегкий день: с утра репетиция, потом прослушивание, а вечером квартет. Но я приду, приду, приду! Созвонимся. Я сама тебе позвоню завтра вечером, попозже. Я стараюсь не забывать выключать мобильник, а то, если он вдруг звякнет

на репетиции, маэстро устроит скандал грандиозо. А потом не сразу его снова включаю – знаешь, иногда так хочется тишины.

И помимо всего у Лары был еще «тот самый вечер», когда девушки пользуются разными способами, чтобы не оказаться в «неловком положении».

Олег Арнауты завернул в мастерскую к Антону по старой памяти. Хотя, какая тут старая память, когда бывшие земляки, друзья с детства, не виделись всего-то четыре года, пока Олег учился в училище дальней бомбардировочной авиации. Теперь они по большей части перезванивались, а встречались, когда Олег приезжал со своей «точки» в Москву, где останавливался в служебной гостинице.

Он с удовольствием рассматривал детали шкафов, окладов икон, кресла, ждущие, когда их обобьют красивой шелковой тканью, и они снова станут «дворцовыми». К ним подошел Давид, посидели уже втроем, «у верстака» махнули по маленькой «со свиданьем», как когда-то, но скоро решили двинуть в ресторан, по старой памяти в «Адриатико», на Маяковке.

– Мужики, у меня был спецвылет, двойные премиальные, так что сегодня я банкую! – сразу, едва взяли в руки меню, объявил Олег.

– Гуляем, капитан? – обрадовался Давид. – Что за полет

такой, военную тайну не выдашь?

– Не выдам, но кое-что скажу. К полету готовились долго, маршрут уникальный. В общем, взлетели в Сибири, облетели вокруг света и в Сибирь вернулись. Восемнадцать часов в воздухе, с дозаправками.

– Как это «вокруг света»? – удивился Антон.

– Ну, прошли сначала над Россией до Мурманска, а потом по параллелям, но без захода в чужое территориальное пространство. Понял теперь, как это «вокруг света»? Англичан видели, потом еще канадцы нас «сопровождали». Американцы своих ребят на истребителях поднимали.

Опытный официант знал, как надо «обслуживать быстро, но не спеша». Этакая специальная формула, которая понятна людям, знающим толк в ресторанной процедуре. На самом деле это означало, что морс, водку или вино, первую закуску надо приносить быстро, а вот затем доставлять блюда на стол по мере готовности, пусть гости наслаждаются общением.

Махнули по рюмочке, закусили салатиком «руккола» с креветками, морскими гребешками, осьминожками и колечками кальмаров. Арнаутов продолжил свой рассказ.

– И вот могу вам сказать, что над нашей тайгой в одной точке приборы вдруг зашалили. Знаете, стрелки начали бешено крутиться, а на табло цифры заскакали в обратную сторону, мне даже не по себе стало! По приборам мы вместо

десяти тысяч над уровнем моря, вдруг оказались на тысячу метров ниже этого самого уровня. Под землей уже. То есть, гробанулись! – рассказывал о леденящем душу моменте полета Олег. – А мы в воздухе! Летим! Движки в норме! Звезды над нами, вверху. Земля под нами, внизу. Но так было секунд пять, не дольше.

– Это не там ли, где тунгусский метеорит грохнулся? – осведомился Давид.

– Я это место на карте отметил, потом, когда вернулись, поискал в компьютере, – Арнаутов военной тайны не раскрывал, а потому расслабленно мастерил себе бутербродик – на подсушенный кусочек черного хлеба тонко намазал масло и укладывал ломтик розовой семги. – Оказалось, что от Тунгуски это далеко, а близко от Бодайбо, где золото моют, но чуть дальше. Кругом тайга, там только речка Патомка крутится. По этой трассе ведь многие гражданские летают. Москва-Южно-Сахалинск, например. Или Москва-Владивосток. Но, видно, точно над этой точкой не пролетают, а нам вот повезло.

– А что командование? Вы же доложились, как вернулись? У вас же там все нашпиговано «черными ящиками», самописцами и всякой секретной электроникой? – допытывался Давид.

– Конечно, доложили! Тут же, в воздухе связались с землей! И знаете, что самое интересное? – совсем заинтриговал Арнаутов друзей.

– Неопознанный летающий объект? – пошутил Антон.

– Если бы! – отмахнулся Олег. – С земли нам ответили, что здесь это нормально. Они знают. Представляете?! Просто все нормально.

А когда бутерброд готов, в самый раз выпить рюмку. Давид предложил тост по-новомодному: «За полеты! За нормальные полеты!»

Не сговариваясь, все трое заказали по классической мясной солянке и по телячьей котлетке на косточке, хотя это и был ресторан итальянской кухни.

Солянка в тот день была великолепна. Правильного темно-коричневого цвета, с маслинками, с каперсами, с кусочками отварного мяса, в меру наперченная, с блестками на поверхности и с особенным ароматом, когда ложка разрушала целостность поверхностной пленки. Естественно, что все трое произнесли синхронно: «Ну, под горячее!» Выпили и... не почувствовали хмельного – так солянка легла внутрь.

– Обедать надо с удовольствием, – проглотив последнюю ложку солянки, сказал Давид. – Так сказать, наслаждаясь вкусовыми ощущениями. Это в случае, если без спутницы...

– А если со спутницей?

– Тогда удовольствие удваивается. Но тут уже все зависит от спутницы.

Официант был опытный и рюмки пустыми оставались недолго.

– А за такой полет тебе звездочку добавят? – поинтересо-

вался Давид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.